
ИРОНИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ (на материале русского и азербайджанского языков)

Бабашова Халида Алаббас кызы

Кафедра общего и русского языкознания
Бакинский славянский университет
ул. С. Рустама, 25, Баку, Азербайджан, AZ014

В статье выдвигается тезис о том, что иронический смысл дискурса изначально является результатом лингвокреативного мышления. Лингвокреативность иронического смысла проявляет себя в двух формах: а) она возникает на уровне неиронических, нейтральных смыслов высказываний как «вторичная модусная номинация»; б) формируется на базе готовых паремioфразеологических конструкций с ироническим смыслом, «поворачивая» иронический смысл базового высказывания в необходимое говорящему субъекту коммуникативно-прагматическое русло. Следовательно, в основе формирования иронического смысла так или иначе лежит лингвокреативный механизм.

Ключевые слова: поговорка, паремология, ирония, креация, лингвокреативное мышление

Специалисты, изучающие механизм порождения иронии, иронического смысла высказываний или компактных (портативных) текстов, выявляют целый арсенал характеристик для полноценной квалификации множества аспектов иронии. В разной степени изучены коммуникативно-прагматический, строго лингвистический, логико-грамматический, риторический и референциальный аспекты иронии. На современном этапе развития так называемой когнитивной лингвистики на авансцену выдвигаются, естественно, когнитивные параметры такого словесного языкового явления, как ирония [7. С. 183—184; 202—206; 6. С. 195—216; 1. С. 102—103].

Осмысление существующей теоретической литературы по «иринологии» (термин введен Кауфером) [3. С. 5] подводит к заключению о том, что в общей квалификации «сотворения» иронии не достаёт одной очень существенной детали, которая может осветить этот процесс с точки зрения преломлений речевого мышления. Если исходить из комплекса объективных факторов, определяющих основы генерации (порождения) иронического смысла, то следует обязательно указать на то, что иронический смысл связан а) с намеренным использованием ложного речевого акта (говорить одно, а подразумевать противоположное); б) использованием языковых средств и приемов, позволяющих подчеркивать эту ложь в целях «вуалирования» обратного, правдивого значения-смысла высказывания и текста; в) отсутствием в языке особых единиц, имеющих изначально только ироническую семантику: иронемы создаются как единицы вторичной номинации на основе существующих в языке нейтральных синтаксических конструкций или их текстовых комбинаций. Иначе говоря, иронические тексты являются собой паразитические создания, «живущие соками других растений». Это озна-

чает, что ироническая модель выражения, конечно, имеет свое семантическое и синтаксическое строение. Вместе с тем в языке нет особых предложенческих или текстовых единиц, имеющих свою структурную схему в строгом терминологическом смысле и живущих только за счет своего постоянного иронического смысла. Это качество иронического смысла отмечается Ж.Е. Фомичевой: «Ирония не обладает собственным предметом, а способна избирать любой предмет или явления», «основой иронии является рефлектирующее сознание личности, благодаря чему любое явление может быть поставлено под сомнение, осмыслено с противоположных сторон и оценено субъектом иронии» [11. С. 7].

Правда, надо отметить и то, что сказанное характерно в основном для тех построений, разновидностей иронического смысла, о которых мы рассказали выше. Сфера организации иронических конструкций в паремиологической области требует несколько иной оценки.

С учетом всего вышесказанного в смысле механизма порождения иронии вполне логично было бы говорить об особом типе речевого-языкового мышления — лингвокреативном мышлении. Этот тип мышления выделяется в системе типов мышления Б.А. Серебренниковым, который характеризует его с позиций «двойной направленности», поскольку оно отражает окружающую человека действительность и тесным образом связано с наличными, существующими уже в языке ресурсами [9. С. 106].

Данное мнение, как видим, исходит из того, что лингвокреативное мышление создает условия для порождения (креации) новых смыслов на базе манипуляций семантикой уже существующих языковых единиц: «Для обозначения новых понятий или каких-либо отношений между понятиями» язык не всегда прибегает к каким-то оригинальным, «новым композициям фонем, к поискам еще не использованных сочетаний. Обычно для этих целей используются уже существующие знаки, подвергающиеся при этом различного рода преобразованиям и переосмыслениям», — пишет Б.А. Серебренников [9. С. 106].

Представляется, что лингвокреативное мышление лучше всего раскрывается на фоне преобразований, контекстуальных, несистемных форм, имеющих в языке устойчивых словесных комплексов: глас вопиющего в пустыне = гласность, вопиющая в пустыне; *işiq pulu uğanın qabağına yumruğan çıxmasan, deyə, bunun heç şotçiki yoxdur = Yumruq göstərinin qabağına dəyənəklə çıxmasan, deyə, bunun heç duxu yoxdur* (AzTV. Парни из Баку, 28.03.2001).

Если иронические смыслы порождаются «на теле» уже существующих в языке конструкций, переосмысляя их на категориальные показатели (ложь/правда, абстракция временных форм и т.п.) для направления их в нужное, прагматически затребованное смысловое русло, то этот вид переориентации семантики единиц и конструкций из старого арсенала языка вполне можно считать результатом лингвокреативного мышления.

Думается, что специалисты, изучающие систему формирования иронии, оказываются перед необходимостью признания сложности разграничения, например, шуток и иронии, лжи и иронии и упускают именно этот момент из поля зрения. Более того, они оказываются перед фактом наличия в иронической системе двух

смежных, но в то же время несхожих форм проявления, языкового формирования иронических смыслов и иронических текстов — свободно структурирующихся текстов и конструкций с иронически устойчиво закрепленными смыслами, т.е. особой группы паремиологических единиц, функционирующих благодаря своей постоянной (модельной) иронической семантике.

В последнее время (конец XX и начало XXI века) наблюдается особая интенсификация использования так называемых креативных форм паремиофразеологических единиц, которые занимают исключительно активные позиции в формировании и выражении иронического смысла. В данном случае объектом нашего анализа будут именно эти конструкции, которые выражают иронический смысл довольно оригинально. Если бы эти конструкции занимали некоторое периферийное место в системе формирования и представления иронической семантики, можно было и не останавливаться на трактовке их семантической структуре. Но эти конструкции стали употребляться настолько широко, что не принимать во внимание их роль в системном представлении такого явления, как ирония, было бы, на наш взгляд, неоправданно.

Приведем несколько примеров таких конструкций.

1. Знал бы, где упаду, соломки бы накурился [5. С. 273]. (Кабы знал, где упаду, так соломки бы подостлал).

2. Хорошо смеется тот, кто смеется последний раз [5. С. 269]. (Хорошо смеется тот, кто смеется последним).

3. Встречают по одежке, провожают по степени ее дефицита [5. С. 493]. (Встречают по одежке, провожают по уму).

4. *Büdcəni payızda sayarlar* (AZTV, 2008, 18/03). (*Cüdəni payızda sayarlar*).

5. *Mın şöhrət bir borcu ödəyə bilməz* (B. Vahabzadə. *Xətəli yuxu*). (*Mın fikir bir borcu ödəyə bilməz*).

6. *Atalar yaxşı deyib: oxuyan müğənniyə tövbə yoxdur* (AZTV. *Bakılı oğlanlar*, 10.10.09). (*Hərzə ağıza tövbə yoxdur*).

Отмеченные несистемные формы, как видно, обнаруживают свою контекстуальную адаптацию, т.е. индивидуально-авторское «творческое» применение на фоне тех конструкций, которые являются общеупотребительными, общеизвестными, в этих формах (известных всем носителям языка) они воспроизводятся, в этих формах они представляются в лексикографических источниках. Поэтому системные формы являются языковыми, а несистемные — индивидуально-авторскими образованиями [2. С. 223]. Системные формы являются своеобразным плацдармом для возникновения всевозможных речевых употреблений.

В последние десятилетия как в русском, так и в азербайджанском языках прослеживается общеязыковая тенденция (особенно ярко она проявляется в публицистике) генерации и использования креативных форм устойчиво воспроизводимых единиц языка — всех разновидностей паремиофразеологических единиц (поговорок, крылатых выражений, общеизвестных афористических выражений и т.д.), а также устойчивых терминологических и номенклатурных обозначений (например: Так нам и НАТО; бесполезные ископаемые; управление внутривенных дел и т.п.). Произвольно-творческие изменения в структуре и се-

мантической организации устойчивых словесных комплексов, создающих особый прагматический эффект, имеют очень широкий спектр действия — от лексем до единого синтаксического целого. Эти разнообразные по своим целям и способам оформления изменения уже давно вызывают исследовательский интерес как с точки зрения языковой системы (семантика, структура), так и с точки зрения их функциональной (социолингвистической) сущности. По этой причине в теории существует уже целый ряд определений и не менее широкий ряд терминологических обозначений, квалифицирующих те или иные формы, проявление этого «широкозначного» явления. В отношении этих форм применяются терминологические обозначения «окказиональные формы», «несистемные», «реминисцентные употребления или текстовые реминисценции» [3], «прецедентные тексты», «ожившие по-новому стандарты», «перифрастические выражения» и т.д.

«В сущности, всякое намеренное необычное использование языка (например: для создания художественного эффекта) — это языковая игра», — пишет В.З. Санников [8. С. 3]. Автор включает в сферу языковой игры и процесс перефразирования паремиологических единиц, которые, на его взгляд, служит целям достижения нового, иронического значения, в котором, «превалирует смысловая сторона (абсурд, парадокс, ирония)» [8. С. 4].

Однако В.З. Санников понимает языковую игру очень широко: в нее он включает и новообразования, не имеющие прецедентных основ («Женщины подобны диссертациям: они нуждаются в защите»), и креативные формы: «“Яблоко” укатилось далеко от яблони». «Выборы для этой партии закончились неудачей»; «Победителей судят» и т.д.).

В подобных случаях происходит, как отмечает В.Г. Костомаров, специфический конфликт экспрессии со стандартом, в котором сила экспрессии превалирует над семантикой стандарта [4. С. 90]. Поскольку предметом нашего анализа является материал паремиологических единиц с ироническим смыслом, далее рассмотрим в основном именно этот материал с позиций возможностей их креативных форм, носящих печать иронии — абсурда, парадокса и иных форм несурзости.

Наше внимание будет в дальнейшем сосредоточено на процессах, связанных с внутритекстовой жизни паремиологических единиц. И для того, чтобы по мере возможности полнее представить этот процесс модификационной креативности паремийных конструкций, рассмотрим основные виды их конструктивно-семантических «новаций», которым они подвергаются в языке-речи.

1. Деконцептуализация паремиологической конструкции. При деконцептуализации паремия как бы растворяется в авторском тексте, «заземляется» так, что неискушенный читатель во многих случаях не подозревает подспудное использование пословицы или поговорки. Инвариантно-концептуальное значение пословицы или поговорки нейтрализуется, очень сильно «стирается», приобретает в конкретном тексте сугубо денотативное значение, конкретно-коммуникативное значение:

Kərbəlayı Fəttah şinninin bu çağında cavan gəlinə meyil salır. Utanmağına utanmır, nədə ki qaysava sövdasında olan köpəklər kimi şaxını sındırmır (S. Rəhimov. Şamo, III cild, 12 fəsil).
Ср.: İtin axmağı (əbləhi) qaysavadan pay umar.

Я не хочу в руках синицу,
Меня уносит журавель
Мне царскосельский мостик снится,
Клавиатурный, как Равель (А. Вознесенский. «Огонек», № 40/2002).

Инвариантное (то, что представлено в словарях-сборниках) значение теряет свое обобщенное, глобализирующе-сентенциозное назначение; конструкция («Лучше синица в руке, чем журавль в небе») приобретает в конкретном тексте конкретное, присущее данному случаю значение, теряя тот смысл, за счет которого она и стала пословицей [2. С. 220—226].

Как видно, внутритекстовые формы напоминают о существующих в языке пословичных конструкциях (прецедентных текстах) несколько отдаленно, как реминисценции пословиц «İtin axmağı qaysavadan pay umar» и «Лучше синица в руках...».

2. Структурно-семантические пародии также представляют особую форму «деградации» паремиологических конструкций. В этих случаях в основу модификации пословиц кладется лишь структурная схема общеизвестной паремиологической единицы. Иногда для облегчения восприятия паремической семантики в новом тексте используется некоторый элемент из лексического наполнения исходной, этимонной формы пословицы:

Если Шаймиев *не идет* к закону, то закон *идет* на фиг (Московский комсомолец, № 230/ 2008). Ср.: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе».

Canım, ruslar çardan əl çəkdi də, müsəlmanlar əl çəkmirlər (Y.V. Çəmənzəminli. Studentlər. 3 hissə). Ср.: İt motaldan əl çəkdi, motal itdən əl çəkmədi.

Процесс инновационного использования структурных схем сложных паремиологических единиц как в русском, так и в азербайджанском языкознании не изучался. Он ждет своего теоретического освещения в пределах «синтаксической фразеологии», но до сих пор вскользь рассматривается на общем фоне приемов языковой игры. Нам же представляется, что данное явление должно быть изучено в рамках актуализации (вторичного «оживления») семантических структур определенных синтаксических единиц; сравним еще некоторые факты такой синтаксической актуализации:

— Yaxşı, atan məmur, çarın sadıq məmuru, anan Mehdi xanın qızı — bəs bu menşeviklik səndə hardan çıxdı? (Y.V. Çəmənzəminli. Studentlər, III hissə, 10 fəsil); — Atan bəna, baban kəndçi, daha biz dönüb gülbəşəkər ola bilmərik ki!? (S. Rəhimov. Ana abidəsi. I hissə, 8 fəsil) = Atan soğan, anan sarımsağ, sən hardan oldun gülbəşəkər?!

— Вы в этом уверены, но все же пускаете разные слухи, — вероятно по логике старого охотника, который *сам не стреляет* из ружья, *и другим не дает*, а только ворчит и кряхтит, лежа на печке (А.П. Чехов. Письмо Л.С. Мизиновой. 21/09-1898) = Как собака на сене: ни сама не ест, ни другим (корове) не дает. Лучше пиво в руке, чем девица вдалеке (рекламный текст) = Лучше синица в руке...

Коммуникативно-прагматические преобразования устойчивых словесных комплексов в последнее время изучаются интенсивно. Однако во многих случаях данные модификации трактуются по-разному, и названия этим процессам даются не одинаковые. Так, например, Е.А. Добрыднева отмечает два основных вида

подобных модификаций: а) преобразования, сохраняющие тождество устойчивой конструкции и «закрепленные узусом как «варианты или вариации»; б) «преобразования ситуативные, вызванные определенными установками говорящего в конкретном акте вербальной коммуникации» [11. С. 237].

3. В этом ключе особый научный интерес представляют «парадигматические» модификации паремиологических единиц. Эта форма преобразований отмечается тем, что в определенных условиях коммуникативной ситуации используется не сентенциозная, не инвариантная (социально известная) форма паремиологической единицы, а ее авторски установленная моральная форма, которая составляет одну из «парадигматически» актуализованных форм. Ведь известно, что паремиологические единицы составляют в основном сферу констатирующего мышления [2. С. 127], для которого не характерны иные целеустановки, кроме повествовательных форм. Но иногда авторизация паремиологических конструкций происходит и по линии их деструктуризации — паремия переделывается в вопросительное или побудительное предложение. При этом такое превращение трогает и структурацию паремии — новая форма требует новой модальной оценки, а она, в свою очередь, новых приемов подачи старого смысла:

Çığırma, yat, ay ac toyuq, yuxunda çoxca darı gör! (М.Ə. Sabir. Tömei nahar — Ac toyuq yuxusunda darı görər);

Ауэ, бэс ниэ аңыръ тайы тапырсаң? (İ. Məlikzadə. Gəl qohum olaq) = Eşşək anqırar, tayını tapar.

Использование императивной модификации пословицы «Ac toyuq yuxusunda darı görər» в поэтическом тексте выполняет определенные авторские (идиостиловые) функции, состоящие из целого комплекса. Поэт вкладывает в эту повелительную форму предложения несколько семантических зарядов — и иронии (Ac toyuq yuxusunda darı görər), и упрека (Yat qal dala lay-lay), и даже известную долю предупреждения (Yatmısan fil qulağında, dünyadan xəbərin yox). Словом, монофункциональная паремия использована в форме (изменен модус высказывания), которая позволяет достичь эмоционально-семантического эффекта полифункциональной единицы. Ср.: Söyləyir, get bu duanı oxu öz canın üçün (М.Ə. Sabir).

Очень часто авторизация паремиологических единиц, т.е. их контекстуальная адаптация происходит, объединяя все вышеотмеченные приемы:

— Qışqırmasin, neynəsin, oğru gərək qışqıra...

Qışqır ki, doğrunun qorxub bağı yarılısın (B. Vahabzadə. Ləyaqət) = Oğru elə qışqır ki, doğrunun bağı yarılır.

Об этих модификациях мы вкратце рассказали для того, чтобы пояснить наличие некоторых общих оснований в их реализации. К тому же, эти случаи имеют самую прямую связь с теми конструктивно-семантическими изменениями, которые характерны и типичны для объекта нашего внимания — для иронических паремий.

Изучение глубинного смысла и языкового назначения иронии обязательно предполагает ее осмысление с позиций видов речевого мышления. Вопрос о том, находит то или иное языковое явление свое место в системе типов мышления,

имеет большую определяющую силу для трактовки данного явления либо как системного, либо как периферийного, случайного. По предварительным нашим наблюдениям в основе иронического смысла текста (дискурса) лежит лингвокреативное мышление. Порождающим ядром иронического смысла является сочетание манипуляционной формы категории джи-/правды с обязательной креацией нового смысла из языковых единиц старого арсенала. И эта «технология» порождения иронического смысла является универсальной для обоих языков.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Балашов С.Н.* Иронический дискурс: когнитивное моделирование иронии // *Язык, культура, общество. Материалы международной научной конференции.* М., 2007. С. 102—103.
- [2] *Гамидов И.Г.* Философия грамматики пословиц и афоризмов. Баку: Сабах, 2001. 271 с.
- [3] *Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: Изд-во Кал.ГУ, 2005. 201 с.
- [4] *Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе (Некоторые особенности языка современной газетной публицистики). М.: Изд-во МГУ, 1971. 265 с.
- [5] *Мокиенко В., Вальтер Х.* Прикольный словарь: антипословицы и антиафоризмы. СПб.: Нева, 2006. 384 с.
- [6] *Норманн Б.Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Наука; Флинта, 2013. 251 с.
- [7] *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2010. 314 с.
- [8] *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 210 с.
- [9] *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. 320 с.
- [10] *Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // *Вопросы языкознания.* 1995. № 6. С. 88—97.
- [11] *Фомичева Ж.Е.* Интертекстуальность как средство воплощения в современном английском романе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1992.

IRONIC SENSE AS THE RESULT OF LINGUOCREATIVE THINKING (on the Material of the Russian and Azerbaijani Language)

Babashova Khalida Alabbas kizi

The Chair of General And Russian Linguistics
Baku Slavic University
S. Rustam str., 25, Baku, Azerbaijani, AZ1014

This article advances the thesis about ironic sense of discourse to be primordially the result of linguocreative thinking. Linguocreativity expresses itself in two forms: a) it arises on the level of non-ironic and neutral senses of expressions as “the secondary modus nomination”, b) it is formed on the basis of ready paremio-phraseological constructions with ironic senses, “turning” the ironic sense of the base expression into the necessary subject of the communicative-pragmatic course for the speaker. Consequently, on the basis of formation of ironic sense there is anyhow a linguocreative mechanism.

Key words: proverb, paremiology, irony, creations, linguocreative thinking

REFERENCES

- [1] Balashov S.Kh. Ironicheskiy diskurs: koqnitivnoye modelirovaniye [Ironic Discourse: Cognitive Modelling] // Yazyk, kultura, obshestvo. Materiali mejdunarodnoy nauchnoy konferensii. M., 2007. S. 102—103.
- [2] Gamidov I.G. Filosofiya qrammatiki poslovits i aforizmov [Philosophy of Idiom Grammar]. Baku: Sabax, 2001. 217 s.
- [3] Yermakova O.P. Ironiya i yeyo rol v jizni yazyka [Irony and Its Role in the Life of a Language]. Kaluga: Izd-vo Kal.QU, 2005. 201 s.
- [4] Kostomarov V.G. Russkiy yazyk na qazetnoy polose (Nekotoriye osobennosti yazyka sovremennoy qazetnoy publisistiki) [Russian Language in Newspapers (Some Peculiarities of the Language of Modern Newspaper Language)]. M.: Izd-vo MQU, 1971. 265 s.
- [5] Mokiyeenko V., Valter X. Prikolnii slovar: antiposlovitsi i antiaforizmi [Funny Dictionary: Anti-idioms]. SPb.: Izv. Dom "Neva", 2006. 384 s.
- [6] Normann B.Y. Koqnitivniy sintaksis ruskoqo yazyka [Cognitive Syntax of the Russian Language]. M.: Nauka-Flinta, 2013. 251 s.
- [7] Popova Z.D., Sternin I.A. Koqnitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. M.: Vostok-Zapad, 2010. 314 s.
- [8] Sannikov V.Z. Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igri [Russian Language in Word Game]. M.: Yazyki russkoy kulturi, 1999. 210 s.
- [9] Serebrennikov B.A. O materialisticheskom podxode k yavleniyam yazyka [On Materialistic Approach to Language Phenomena]. M.: Nauka, 1983. 320 s.
- [10] Suprun A.Y. Tekstoviy reminissensii kak yazikovoye yavleniye [Text Reminiscences as a Language Phenomenon]. № 6. 1995. S. 88—97.
- [11] Fomicheva J.E. Intertekstualnost kak sredstvo voplosheniya v sovremennom anqliyskom romane [Intertextuality as a Means of Expression in a Modern English Novel]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. SPb., 1992.